

В.А. КАРПОВ В СТУДЕНЧЕСКИЕ И АСПИРАНТСКИЕ ГОДЫ

Хорошо, что каждый год мы начинаем эти чтения с чисто человеческих воспоминаний. На чтения приходят люди, которые были с Владимиром Александровичем близки и которые были ему близки. После воспоминаний армейского друга Карпова, я, может быть, более кратко расскажу о Володе в студенческие и аспирантские годы.

Я поступил в Ленинградский университет в 1961 г. Волею судеб я попал на отделение славянской филологии. Поступал я на другую специальность, но там была обязательная военная кафедра, и мне из-за моей близорукости предложили выбрать что-нибудь другое, «менее военное». Этим другим оказалась болгарская филология. А на следующий год, в 1962 г., туда поступил и Владимир Александрович Карпов, поступил тоже волею случая, потому что он также подавал документы на другое отделение. Мы быстро познакомились и подружились. Между нами возникла взаимная симпатия, и далее сходные интересы нас еще больше сближали.

Володя был младше меня на курс, но по возрасту старше на 5 лет. Сегодняшнее поколение студентов плохо представляет себе ту ситуацию пятидесятилетней давности, потому что в 60-е г. была такая установка, что в высшие учебные заведения можно было поступить только при наличии производственного стажа. Крайне редко, в порядке исключения, в университет попадали молодые люди сразу после окончания школы (это если у них была медаль или какие-то другие заслуги). Среди этих «белых ворон», которые порогу не нюхали, оказался и я. Остальные коллеги были намного старше. Скажем, со мной на 1-м курсе славянского отделения учились студенты на семь-восемь лет старше меня. Был, например, такой Миша Приходько, с которым мы потом в аспирантуре БГУ занимались, так он не только армию прошел, но и работу в шахте – вообще сложную школу жизни. Это были люди с определенным жизненным опытом, во многом отличавшиеся от нынешних студентов. И они нас, единичных юношей и девушек, которые поступили в вуз сразу после школы, «строили» и учили жизни.

И еще одна подробность, которая, может быть, для молодого поколения интересна. Ленинградский и Московский университеты в те времена, да и поныне, находились и находятся в привилегированном положении. Дело в том, что количество преподавателей (я думаю, это мои коллеги знают), рассчитывается исходя из числа студентов. Существует некоторый стандарт, норма. Иван Семенович не даст соврать, по-моему, у нас это приблизительно на одиннадцать студентов один преподаватель или около того. Т. е. если на факультете, предположим, 110 студентов, значит там положено десять преподавателей и ставки рассчитываются из количества студентов. А в

Московском и Ленинградском университетах это отношение было семь к одному: на семь студентов один преподаватель. Что это означало? С одной стороны, можно сказать, что это большой контингент, большое количество преподавателей, а с другой стороны, на самом деле – это маленькие студенческие группы, вот о чем идет речь. Скажем, вот в группах славянского отделения нас обычно было по 6–7 человек. А что такое группа из 6–7 человек? Это значит, студенты получают больше внимания. Преподаватели могут индивидуально работать с каждым из них. И в этом отношении, конечно, мне и Володе повезло. И, кроме того, что мы учились на одном отделении, у нас были одни и те же преподаватели, мы участвовали в одних и тех же мероприятиях

Надо сказать специально и о тех интересах, которые нас сблизили. Это, конечно, поэзия и еще одно слово, которое приходится сопровождать культурологическим комментарием – *стенгазета*. Потому что сегодня студенты уже практически не знают, что такое стенгазета. То, что у нас иногда вывешивают, – это для меня не стенгазета, а фотомонтаж или объявление, или еще что-нибудь. А для студенчества 60–70-х гг. стенгазета – это был особый культурный мир. Это был, действительно, целый мир, в котором человек, во-первых, пробовал себя как автор, как очеркист, как поэт, как критик, как фотограф, как художник. А во-вторых, стенгазета была способом общения. В те 60-е гг. никаких компьютеров не было. Не было ни компьютеров, ни пейджеров, ни мобильных телефонов, ни выходов в Интернет. Зато была стенгазета, через которую можно было выразить свои мысли, свои чувства. Правда, иногда эти мысли оказывались, с точки зрения администрации, крамольными. И тогда стенгазету срывали, а редактору, скажем так, попадало по соответствующему месту; разгорался скандал... В общем, стенгазета – это был такой очаг культурной жизни студентов, очень важная для молодежи вещь.

И вот Володя Карпов пришел из армии уже с готовыми навыками верстальщика. В редколлегии стенгазеты есть такая должность – верстальщик. Должность неблагодарная и в принципе не видная, но это очень важная функция. Это значит: нужно разместить, скомпоновать материалы на листах большого формата. И вот Володя не только мастерски умел это делать, но он очень любил это занятие. Редколлегия наша собиралась по вечерам, а нередко и засиживалась глубоко за полночь. Мы спорили, ругались по каким-то поводам, в том числе и литературным или даже идейным, а Володя молча ходил с огромной линейкой вокруг стола, чертил, раскладывал материалы, намечал заголовки... Это было его любимое занятие, и он делал это превосходно. Ну, а что касается стихов, о которых уже шла речь, то Володя был не только, так сказать, их потребителем (у него действительно была очень хорошая память на поэзию), но он много писал сам и чем дальше, тем больше внимания уделял этому.

Но, как говорится, судьба играет человеком, а человек играет на трубе. И так получилось, что подходит время моего распределения и я совершенно случайно попадаю в Минск. Сдал экзамены и поступил в аспирантуру БГУ. Никогда у меня не было никаких связей, контактов с Белоруссией, даже представление о ней было довольно слабое. Но мы жили в едином великом Советском Союзе. И так получилось, что в тот же год, когда я приехал поступать в БГУ в аспирантуру, в Минск приехал и Адам Евгеньевич Супрун. Под него, молодого доктора наук, тут была создана кафедра общего и славянского языкознания. Ну, а я стал одним из первых ее аспирантов. Я в аспирантуру поступил, а через год по моим стопам приехал в Минск и Владимир Александрович Карпов. Это был 1967 г. И вот с тех пор начался минский этап жизни Карпова. Надо сказать, что вообще вся жизнь Владимира Александровича – это была постоянная борьба с обстоятельствами. Борьба со средой, если можно так выразиться.

Я не упомянул еще о том, что Владимир Александрович еще в студенческие годы женился. И это тоже накладывало определенный отпечаток на его жизнь: надо было кормить семью, зарабатывать деньги. Студенческая стипендия, да и то дай Бог ее получать, была небольшая, а потому Володя практически все время где-то подрабатывал – и на старших курсах университета, и когда он в Минске поступил в аспирантуру. Каждое лето он работал переводчиком с группами болгарских туристов. А кроме того, об этом, кажется, никогда не упоминалось на наших Карповских Чтениях, Володя работал и на Станкостроительном заводе имени Кирова в Минске (у него была квалификация токаря), он работал также сторожем в школе в районе парка Челюскинцев. Рассчитывать на чью-либо помощь ему было нельзя. Семья его, я имею в виду маму в Вологде, жила небогато, и, конечно же, какая там могла быть помощь. Володя был абсолютно самостоятельным и самодостаточным человеком. Это был человек, который рассчитывал только на себя, на свои силы.

Я сказал, что он боролся всю жизнь с обстоятельствами. Одно из обстоятельств выглядит сейчас довольно забавно. Оканчивая университет, Владимир Карпов написал дипломное сочинение по одному болгарскому поэту, Пеньо Пеневу. Это была чисто литературоведческая работа, а, говоря между нами, вообще литературная работа. Потому что Володя перевел эту поэму на русский язык и приложил к ней небольшой комментарий. Вот такая это была дипломная работа. В таком виде она и пошла к руководителю, защита прошла успешно. Все было хорошо. Но когда Владимир Александрович приехал в Минск, то оказалось, что его литературные навыки и интересы тут были не ко двору, потому что кафедре и факультету нужен был аспирант, а затем преподаватель болгарского языка и вообще славянских языков. И Владимиру Александровичу пришлось в срочном порядке переучиваться. Дело в том, что в Ленинградском университете, будучи обремененным всякими своими проблемами, он на языковедческие курсы

обращал довольно мало внимания (хотя, конечно, возможности для этого тогда там были: нам читали лекции проф. Ю.С. Маслов, проф. Н.А. Мещерский и другие крупные ученые). И вот в Минске Владимир Александрович должен был, так сказать, самоучкой, за счет своего свободного времени переквалифицироваться. С первого года аспирантуры он стал лихорадочно начитывать литературу по проблемам лингвистики. Конечно, уже после университета делать это трудно и поэтому иногда он читал, с моей точки зрения, не то, что нужно (я имею в виду лингвистические работы). Очень важно молодому ученому иметь наставника, который скажет: «Вот это читай, а вот это не надо». У Володи был такой наставник: это Адам Евгеньевич Супрун, под чьим руководством Карпов писал свою кандидатскую диссертацию. Но Володя был самостоятельным и упрямым, и он с его страстью к книгам читал абсолютно всё, что подворачивалось под руку. Это был человек, который за всю жизнь, по-моему, не выбросил ни одной книги, даже ни одной брошюры. Он их складывал, расставлял по полкам и считал, что все это может понадобится. И все это старался переварить и переработать... В силу его этих разносторонних интересов и увлечения разными предметами он увлекся сначала другими языками. Я помню, как друзья подарили ему японский словарь с русской транскрипцией. Володя нашел в нем созвучные русскому слова и сказал: *«А-а, так у них там в японском языке вообще примерно то же самое, что и у нас. Японский язык нам родственник»*. Это было немножко в шутку, а немножко всерьез, потому что этот глобальный, я бы сказал, вселенский масштаб интересов Владимира Александровича проявлялся именно здесь. Может быть, не всегда ему хватало квалификации, он не умел сдерживать себя, но его интерес к знаниям всегда были огромен, просто фанатичен. Вот эта борьба с обстоятельствами сопровождала Володю всю его жизнь.

О борьбе с финансовыми проблемами я уже сказал. Но дело было не только в этом. Володя мне рассказывал, что еще будучи в армии он был недоволен своим ростом. Вроде бы вполне мускулистая фигура, но все же в армии еще, судя по снимкам, худой и невысокий. Он мне рассказывал, как до посинения висел на турнике, потому что где-то прочитал, что если делать такие растягивающие упражнения, то позвоночник растягивается и рост увеличивается. И он был абсолютно убежден в том, что сантиметров на пять он свой рост увеличит. Как вы все помните, Владимир Александрович был отнюдь не маленького роста, и, возможно, это был результат его физической работы над собой.

Я помню, как Владимир Александрович боролся с курением. Это было ужасно, потому что бросал курить он много раз. Выдерживал несколько дней, потом страшно чертыхался и говорил: *«Я такой злой становлюсь, такой раздражительный! Это все потому, что моему организму не хватает никотина, к которому он привык. Это ломает меня, я становлюсь общественно опасным. Это плохо»*. Таким образом, подогнав теоретическую

базу, он возвращался к курению. Был период, когда он обрил бороду. Походил несколько дней, простудился и сказал: *«Нет. Я без бороды простужаюсь, потому что она – моя естественная защита. Мое лицо, горло привыкли к такому одеялу, а теперь я вот заболел»*. И все. Он вернулся к бороде.

Володя любил подводить теоретическую базу под любые свои представления и убеждения. Надо вспомнить еще один момент. Вот тут уже говорилось, что Володя был комсомольским вожаком. Когда он попал в Минск, то его не миновала та чаша, которая опять-таки нынешним студентам неизвестна. Это поездки на картошку. Естественно, всех преподавателей без учета их пола и возраста посылали руководителями студенческих групп в деревни на уборку картофеля (а иногда также льна или других сельхозпродуктов). И надо сказать, что преподаватели воспринимали эту обязанность по-разному, в соответствии со своими представлениями вообще о поездках студентов на картошку. Я думаю, пользы от этих картофельных десантов было мало. Мы больше проедали, чем реально собирали картошку, но зато, особенно на младших курсах, это была опять-таки школа жизни, потому что формировались внутренние отношения внутри группы. В студенческом коллективе появлялся лидер, завязывались какие-то симпатии и антипатии. Это была очень важная часть жизни. А что было делать преподавателю? Приведу пример еще из своей студенческой истории. Когда я поступил в университет в Ленинграде, нашу группу тоже послали на картошку, а руководителем группы назначили – вы будете смеяться – профессора Юрия Сергеевича Маслова, учебник которого, наверняка, многие из вас держали в руках. Юрий Сергеевич был очень уважаемым человеком. Известный ученый, заведующий кафедрой – и его формально назначили руководителем студенческой группы. Ну, естественно, группа поехала в колхоз сама по себе, никакого Юрия Сергеевича мы не видели в глаза. Люди-то взрослые. Правда, не дай Бог, если бы что-нибудь случилось с кем-то из группы, то преподаватель бы за это отвечал. Но где-то через неделю приехал Юрий Сергеевич на «Волге», открыл багажник, вынул ящик конфет, сказал: *«Это вам»*. И уехал. А что ему еще было делать? Собственно, многие преподаватели считали, что эта их роль – для галочки, достаточно того, что они каким-то образом патронировали работу студентов.

А вот Володя Карпов... Он относился к принудительным сельхозработам серьезно. Когда он уезжал на картошку в качестве руководителя, то у нас с ним проявлялись разные точки зрения на наши обязанности. Мы с ним жили в соседних деревнях. Под его началом там одна студенческая группа, под моим здесь – другая. Я с ним часто спорил и доказывал, что дело руководителя – создать все условия для работы, наладить нормальные отношения. Поэтому я обивал пороги, ходил то к бригадиру, то в правление колхоза, говорил: *«А вот в школе, где мы спим, из окон страшно дует. А вот там у нас протекает. А на то, чтобы сходить*

пообедать, мы тратим два часа времени...». И кончалось это тем, что нам чинили крышу и даже, было в одном месте, на поле привозили обед. Действительно какая-то польза от этого была.

Володя поступал совершенно по-другому. Он говорил мне: *«Ну чего ты ходишь по этим начальникам?»* И он со студентами работал ровно столько, сколько работали и студенты. Как правило, он брал на себя самую тяжелую работу. Поднимал наполненные ведра и закидывал их в кузов грузовика или таскал тяжелые ящики и т.д. Был в Володе этакий фанатизм работы...

А когда Володю в один из аспирантских годов назначили комиссаром целинного отряда (была и такая страничка в его биографии здесь, в Минске), и они поехали куда-то, не помню точно, в Среднюю Азию или куда-то еще, то самый геройский поступок Владимира Александровича, который очевидцы не могут забыть до сих пор, это разбитые бутылки водки. Студенческий отряд рассаживался по вагонам, командиры ходили по перрону, и вдруг у одного из студентов Володя заметил торчащие из рюкзака две головки водочных бутылок. Карпов тут же выхватил эти бутылки и разбил их об колеса этого самого вагона. Об этом потом говорили шепотом и с большим уважением.

Я понимаю: таких историй можно вспомнить много. Владимир Александрович был уникальным человеком. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он никогда не говорил: *«Не знаю»*, он всему пытался найти объяснение. И любое объяснение он старался подвести под свою теорию. Это проявилось и в его научной работе, а в общем, мне кажется, он и в жизни был таким: целеустремленным и надежным.